

А. И. БРЕЖНЕВ

6

Никогда не забуду первой целинной осени 1954 года. В одном из совхозов Рузавского района Кокчетавской области при встрече мне поднесли снопок целинной пшеницы «акиокиппа». Не-возможно передать чувства, которые я испытывал, держа в руках этот сноп. Многие вспомнили в ту минуту — первые планы и замыслы, бессонные ночи, споры, шешоны с людьми, транспортные поезда по выжженной бездорожной, первые костры в степи и первые бороны. И вот она перед глазами, сбылась мечта — степь от края до края желтеет пшеницей... Вспомнились горстка самых первых целинников, вскоре после революции основавших в этих краях сельскохозяйственные коммуны. В. И. Ленин, напугав рабочих Обуховского и Семановского заводов, решивших поехать в Казахстан, писал в записке народному комиссару земледелия: «Почти прекрасный, поддерживает его восточный климат, поддерживает его восточный климат».

Первые коммуны в целинских степях имели радостные названия: «Луч революции», «Свет правды», «Путь новой жизни». Но как слабо оснащенные были эти маленькие поселения на целине. Коммуна «Луч революции», например, имела четыре бара, одинадцать коров, одну лошадку, одну свинохозяйку, четыре борон, восемь телег, четыре жилых дома и сарай. Какая же нужна была воля и вера в победу, чтобы уже тогда зайти: «Ты подишишь на нас, степь! Ты станешь нашей кормилицей!» И вот теперь уже не крохотные островки, а пшеничный океан разлился в степи. Колыбельная дренная равнина становилась крупной житницей государства. Это был первый результат первого года целинной страды.

Пшеничное море разлилось по степи, ветер гнал тяжелые волны, солнце золотило их, настроение у всех было приподнятое. Однако сколько же сил надо было еще приложить, чтобы взять уродившийся хлеб!

Сейчас на казахстанской целине по-прежнему мощная сеть крупных элеваторов и зернохранилищ. А тогда все имевшиеся емкости не превышали трех миллионов тонн, включая примитивные мелкие склады и всевозможные глинобитные конуры, которым целинники дали в ту осень имя — «собошки». Хлеб надо было убирать, сохранить, вывезти во что бы то ни стало. Особенно трудное положение сложилось на дорогах, на станциях, в узловых пунктах перегалки зерна.

Расскажу хотя бы об одном эпизоде тех дней. На этот раз в Атбасар я приехал вместе с Николаем Ивановичем Журиним, первым секретарем Целинградской области. Уже на летном поле встречающиеся стали таять нас в совхоз, на поля, чтобы, как говорили они, порадоваться урожаем. Больно уж горячи были эти приглашения, а о местном пункте заготовки — никто ни слова. Разумеется, мы решили начать именно с него. Кто-то остерг:

— Нельзя вас туда. Шоферы разорвут, ей-богу! Машин скопилось тьма, по двое суток жгут разгрузку.

— Ну, это еще не страшно, — сказал я. — Вот были мы на станции Колотун, так там действительно беда: хлеба полно, а машин не хватает.

Подъехали к пункту. Он располагался в километре от железной дороги. Был ясный осенний день. Среди рыжий, выгоревший степи на окраине города стояли сотни автомашин, груженных чем-то. Из хвостов раступились длинные очереди. А сам приехавший пункт напоминал кишащий муравейник. В клубах пыли урчали и фыркали грузовики, пробирался к центру двора, к буртам зерна. Тут же, рядом, грохотала стройка — возводился новый элеватор. Старый, небольшой, был засыпан зерном до отказа. Сотни людей стояли без дела. Лишь десятка два женщин лопатами насыпали хлеб в мешки, и грузчики исчезали с ними в низеньких мазанках — туда сыпались семенные зерно. Машини разгружались только вручную, всего в двух-трех местах.

Я подошел к одной из них, взял из кузова горсть зерна. Им невозможно было не любоваться: литые тяжелые зерна золотились в ладонях — чудо, а не пшеница!

Тотчас нас окружили шоферы. Все потонуло в невообразимом шуме. Водители кричали, что простояв тут сутками, ночуют в кабинках, негде перекусить, отсыпаться от пыли. Но это еще не было ни шло, а главное — в степи скопились горы зерна, лежат под открытым небом, пропалат хлеб! Я дал им выговориться, потом сказал:

— Здорово же вы встречаете гостей...

Не знаю, то ли спокойствие, то ли улыбка подстрекали, но шоферы умилились: в самом деле, напали на человека, а надо же его и выслушать.

— Не волнуйтесь, товарищи, — продолжал я, сам еще не зная, что предприму. — Что-нибудь придумаю. Дню слово, пробку эту мы расосем.

Обещать-то пообещал, но что же придумаю? Мы обошли территорию заготовительного пункта, осмотрели строящийся элеватор, который мог быть готов не раньше следующей осени, заглянули в «собошки». А по пути я все время смотрел на огромный пестрый между приемным пунктом и станцией, на так называемую полосу отчуждения. Пустырь был завален всеческим хламом — ржавым металлоломом, обломками железобетона, мусором. Все это в невообразимом хаосе торчало из желтых высохших бурьянов, покрытых слоем многолетней пыли.

— Чья территория?

— Железной дороги.

Попросил пригласить начальника отделения дороги. Он пришел быстро, представился: Перменев Байзак Перменювич. Это оказался толковый, деловой человек, знающий специалист, любивший к тому же шутку, потому что добавил:

— Имя прошу не путать. А то многие на слух не воспринимают и зовут меня Байзакан. Но я не писатель, а путеец, и не француз, а чистокровный казах.

Вопрос предстояло решить сложный, я попросил найти кого-нибудь из старых хлебозаготовителей.

— Искать не надо, — сказал Перменев. — Вот он, рядом стоит — Сименков Никанор Георгиевич. Строит теперь новый элеватор, а был начальником областного управления хлебозаготовок. Профессор в этом деле.

Пришли небольшой группой на краю пустыря. Районных руководителей я хорошо знал, многих человеком был

для меня начальник заготовительного пункта. Переносился с ним несколькими словами, узнал, что он фронтный, бывший моряк. А первый вопрос задал путевой:

— Сколько нужно дней, чтобы очистить эту пустырь и протнуть к нему железнодорожную ветку?

Перменев что-то прикинул в блокноте и сказал:

— Сутки — на очистку, два дня — протнуть колено.

— Мало просите. Будем считать, пять дней... Сколько хлеба сдаст район?

Ответил Журин:

— Сюда свозит зерно не один район. Сильно подирает урожай, везут свой хлеб и Есильский, и Балкашинский, и Кургандинский. Словом, Атбасару придется принять и отправить три миллиона пудов. Это самое малое.

— Понятно... Я поверюся к заготовителю... Сможем пропустить весь хлеб через эту площадку?

— Вообще-то можно, — ответил он. — Но только очистить землю мало. Это будет нарушение инструкции, да и просто бесхозяйственность.

— А что нужно?

— Вспахать, прикатать, утрамбовать. Обязательно нужна и дезинфекция. Если по правилам, кладите дней десять.

Никанор Георгиевич, у вас же огромный опыт. Неужели нет других способов?

В жизни всегда приходится выкручиваться, — сказал Сименков. — Не без того... Можно выжечь площадку. Натаскать соломой и выжечь дотла. Земля прокалится и станет твердой, как печной пол.

— А дезинфекция?

— Огонь все вычистит.

— Вот вам и выход из положения! Помогали. Казахские, все обговорено. Но тут вступила в разговор начальник заготовительного:

— Нет, Леонид Ильич, не согласен. Какая разница, где будет хлеб? В степи он лежит под открытым небом и у меня будет под открытым небом. Брезентовый полог на такие бурты всем районом не сошьешь. Погубим зерно!

— Вагонами мы вас поддержим крепко, это я беру на себя.

— А это, — он ткнул рукой в небо, — тоже берете на себя?

Жара в ту осень стояла изнуравшая, солнце, казалось, высило неподвижно, вверху ни облачка, и прогнозы были обнадеживающие. Но кто мог поспорить, что не хлынут дожди?

— Вы знаете, — сказал Повляненко, — что принимать хлеб на открытые площадки категорически запрещено. Я такую ответственность взять на себя не могу.

Легче всего было упрекнуть его в формализме, перестраховке. А мне этот шумный человек понравился. «Будет сделано!» — с готовностью отвечали мне и ничего потом не делали. (Об одном таком товарище, который на все твердил: «Забой!» — я еще расскажу.) А Повляненко действительно должен был принять горы хлеба, и отвечать за него персонально будет именно он. Беспокойство чувствовалось и у других товарищей: вам, мол, хорошо, распродались и отбыли, а нам-то каково? Погуде не прикажешь, шешоны не в нашем ведении, да и будут ли они?

— Ладно, давайте разбираться, — сказал я. — Оставьте хлеб в глубинах — значит наверняка его погубит. Склады там нет, и когда начнется бездорожье, ударят морозы, мы его уже не вывезем. Пропалат эти миллионы пудов, подорвав веру в целину, люди нам скажут: болтуны вы, а не руководители! И будут правы. А тут дорога, станция, подвижной состав, тут тысячи людей, которые в случае нужды придут спасать зерно. Бросим сюда, если надо, солдат, студентов, рабочих — перелопатят, погрузят, погрузят. Неужели вы, Иван Григорьевич, не видите разницы, где надежнее быть хлебу — в степи или в городе?

— Все помогут, — сказал Повляненко. — А под суд идти мне одному.

Стало очевидно, что товарищ не верил в мои слова, в то, что ему окажут реальную помощь. И все же не хотело его обижать, а вот задеть самолюбие следовало.

— В станице говорили: каков человек на войне, таков и на гунне. Что же вы, на фронте не терпелись, а тут? Ведь в мирное время иногда приходится крикнуть: «Полундра!» В конце концов, мы могли бы и спросить с вас: разве не знали раньше, что будет впереди большая целинная хлеб, почему же за полгода к этому не приготовились, не сделали даже того, что в ваших силах? Ну, хорошо. Допустим, и мы виноваты, разделим грех поровну и строга! Чтобы все до зернышка ушло отсюда на элеваторы, где хлеб смогу переработать и сохранить. Мы вместе с вами будем отвечать за этот бесценный хлеб.

Разговор окончился взаимными обязательствами. Иван Григорьевич так же хмуро, без громких слов и покаяний сказал, что сделает все возможное, что от него зависит. Ему можно было верить. Потому что, скажу честно, упрямая неуступчивость этого человека заставляла меня, да и всех нас, понять важность предпринимаемого шага, еще раз основательно взвесить его и обдумать. И я, в свою очередь, пообещал глаз не спускать с этой станицы.

Возможно, что-нибудь скажет, что это все не дело для секретаря ЦК такой огромной республики: слишком мал, так сказать, масштаб. Некоторые товарищи и тогда считали, что вряд ли следует мне самому вникать в массу мелочей вплоть до того, что заглядывать в котлы целинных бригад. Не смущает ли это ответственность низовых руководителей? Скажу на то, что никакие бумаги, никакие телефонные звонки не заменят встреч с людьми и знания жизни. К сожалению, не раз мне приходилось убеждаться, что всякого рода рапорты, идя по инстанциям снизу вверх, имеют свойство искажаться. Притом всегда в одну сторону — в сторону облегчения, сглаживания острых углов.

Одного «кабинетного» руководства мало, надо постоянно общаться с народом, вездесать на местах, видеть своими глазами и успехи, и возникающие трудности, а когда есть нужда, оперативно вмешиваться. Поспорив с людьми на такой степной станции, посидев с трактористами у бригадного котла, очень многое поймешь и многому научишься. Учиться же всегда полезно, а когда такие крупные операции, как подъем целины, только еще разрабатываются, совершенно необходимо.

Вдобавок случаи, подобные тому, у которого рассказано, не остаются просто эпизодами. Нередко они ведут к крупным обобщениям. Вернувшись в Алма-Ату, я вынес вопрос о хлебозаготовках на Бюро ЦК, и было принято соответствующее решение. Связался с заместителем министра путей сообщения СССР Н. А. Гудобиным, рассказал ему об остроте проблемы. Он в ту пору почти все время сидел на целине, возглавлял по существу главный диспетчерский пункт в Целинграде. Денно и ночью следил за продвижением грузов, за оборотом вагонов и на наши просьбы откликался довольно быстро. Так что круги от «мелкого» эпизода разошлись, можно считать, по всей целине.

Вернусь к эпизоду в Атбасаре. Жара в тот год была изнуравшая. Кто-то после заготовительного предложения пойти на речку ополоснуться. Но, конечно, и на берегу разговор опять пошел о делах. Руководителя района я заметил:

— Несмотря на большие трудности, ваш район по хлебозадаче может выйти в передовые. Для этого есть все возможности.

Я постоянно следил за тем, что происходит на атбасарском заготовительном пункте. Пришлось попросить министра заготовок республики срочно выехать для практической помощи в Атбасар. Звонил туда часто, спрашивал, сколько принято зерна, сколько отгружено, какая требуется помощь. Бесценный хлеб был полностью сохранен, и позже, когда атбасарцы — а они там выступили инициаторами сверхплановой сдачи — выполнили свои обязательства, когда «Правда» дала обстоятельную статью об их почине (хорошем, делном почине), то, скажу по чести, ощутил я глубокую личную причастность и успеху механизаторов, райкомовцев, заготовителей, путейцев. А это дорогого стоит.

В 1954 году впервые в своей истории Казахстан засматривал в закрома России почти 250 миллионов пудов зерна — на 150 миллионов больше, чем в самые благоприятные до этого годы. И все мы, целинники, испытывали подлинное счастье от этой победы.

7

С осени 1954 года наступление на целину развернулось в еще более широкие масштабы. Плюс к созданным 30 новым совхозам предстояло создать еще примерно 250. И во сколько раз совхозов становилось больше, во столько раз увеличивались наши заботы.

Однако к этому времени у партийной организации республики уже не только накопился опыт текущей работы на целине, но и вырослась довольно четкая программа действий, рассчитанная на длительную перспективу. Многие черты современного облика сельского хозяйства Казахстана, его отраслевая структура и основные направления развития были определены и начаты уже тогда, почти четверть века назад.

Что особенно волновало нас в ту пору, какие вопросы решались в первую очередь, как шла борьба за превращение в жизнь наших замыслов — об этом частично рассказывается в моей книге «Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана». Не повторяюсь, отмечу лишь основные линии, программные задачи тех лет:

— путем освоения целинных и залежных земель, а также повышения урожайности на старопашенных землях сделать зерновую отрасль главной отраслью сельского хозяйства Казахстана, увеличить здесь производство зерна не менее чем в десять раз и превратить таким образом республику в новый крупный район зернового производства;

— выработать и постепенно внедрить на целине научную систему земледелия, максимально приспособленную к сложившимся природно-климатическим условиям зоны, сохраняющую и умножающую естественное плодородие целинных земель;

— создавать крупнейшие в стране зерновые совхозы, построить в каждом из них все необходимое — как хорошо оснащенные производственные объекты, так и благоустроенные поселки городского типа с полным комплексом социально-культурных и бытовых услуг. Полностью реорганизовать, расширить и перестроить по типу новых хозяйств все старые совхозы и колхозы республики;

— в кратчайшие сроки связать территории целинных областей сетью железных, магистральных шоссе, а также межсовхозных дорог, проложив линии электропередачи, телефонные, радиосвязи, построить в узловых точках крупные элеваторы, заводы по выпуску и ремонту сельхозмашин, десятки других предприятий — и тем самым превратить Северный Казахстан в высокоразвитый экономический район, действующий как единый хозяйственный организм;

— на основе роста зернового производства, использования его отходов, за счет резкого увеличения посевов кормовых культур, в частности кукурузы, а также путем повышения урожайности сеяных трав и улучшения сельскохозяйственных угодий коренным образом укрепить кормовую базу и обеспечить быстрое развитие животноводства. В перспективе производство всех видов продукции этой отрасли увеличится не менее чем в два раза;

— на юге республики с помощью механизации интенсивно развивать рисосеяние, хлопководство, свекловодство, овощеводство, садоводство и виноградарство.

Эта программа была нелегкой. Осуществлять ее также приходилось не по частям, а всю сразу. И, конечно, надо было представлять все трудности, с которыми мы встречались тогда и должны были встретиться в будущем. Нашей верой и энергией очень важно было зажечь всех, с кем доводилось тогда работать.

Возьмем животноводство. Довольно многие товарищи, все прикрывая борьбу за хлеб, упускали другие важные отрасли сельского хозяйства из поля зрения. Партийная организация Казахстана хорошо сознавала, что необходимо было спешить со строительством элеваторов, складов, срочно выводить людей из палаток, землянок... это становилось все более желанным участком, узким местом.

Буквально все надо было возводить на голом месте. А из чего? Будь лес кругом, вопрос бы не возник. Правда, на целину поступали сборные дома и строительные материалы, но их не хватало.

Культуры для Казахстана практически новой. Мы намеревались выращивать ее и на зерно, но большую часть посевов предназначали для зеленой массы. У местных товарищей это вызвало глухое сопротивление: как же так, выращивать на пашне «траву»? Снова и снова надо было спорить, убеждать, показывать практически, как сеять кукурузу, обрабатывать, убирать, силосовать.

Ценность этой культуры была хорошо мне известна по Украине и Молдавии, однако, не будучи агрономом, решил лишь раз посоветоваться. Написал письмо своему другу, знаменитому «кукурузному царю» М. Е. Озерному в село Мишурино Рог Днепропетровской области. Вскоре от Марка Евстафьевича пришел ответ с ценнейшими советами, прислал он по моей просьбе и семена сортов, пригодных для засушливого Казахстана. Дело сдвинулось, но не раз еще мы выносили этот вопрос на Бюро ЦК, проводили семинары по кукурузе.

Пробные посевы первой весны удаллись, и в 1955 году мы заняли под эту культуру уже 700 тысяч гектаров. Животноводческое хозяйство пусть не быстро, но тоже начало двигаться в гору. И помогла нам в этом, как и в других делах, именно последовательность. На республиканском активе в марте 1955 года я говорил:

— Есть такие вопросы, к которым приходится возвращаться снова и снова. О чем это свидетельствует? Я думаю, с одной стороны, о насущности данной задачи, с другой — о сложности ее решения. Настоящим образом к таким проблемам — это именно доказательство серьезности наших намерений. Мы и впредь будем последовательно, без колебаний и колебаний бить в одну точку, добиваясь воплощения наших идей в жизнь. Нет никакого сомнения в том, что настанет время, когда эти проблемы будут сняты с повестки дня. И тогда — это мы тоже прекрасно понимаем — возникнут новые вопросы, новые задачи, еще более масштабные и величественные.

До некоторых товарищей это не доходило. Первый хлеб целины казался им едва ли не концом всей нашей работы. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели. Они полагали, что достигли цели.

Они полагали, что достиг

Институт зоологии и паразитологии Академии наук Узбекской ССР выражает соболезнование старшему научному сотруднику Т. А. Павленко по поводу кончины ее мужа
Бориса Васильевича ЯСЕВИЧА.